

Александр Пуляев. Город стоящий на воде

С одной стороны Тулун пересекает Транссибирская железнодорожная магистраль, с другой — в направлении с юга на север — его расчленяет река Ия. В пределах городской черты река живописно меандрирует, т. е. делает два крутых поворота, образуя полукольцо, от которого, по одной из версий, город и получил свое весьма необычное название (от созвучного с «тулун» бурятского слова, обозначающего «мешок»). Впрочем, данное обстоятельство весьма символично отображено на гербе города. Изобилие воды в черте города, с одной стороны, осознается как великое благо, с другой — выступает как серьезная угроза, что в полной мере испытали на себе практически все тулунчане. Значительная часть города расположена в низине, поэтому близость грунтовых вод и заболоченность — еще одна жгучая проблема Тулуна. Тулунчане, проживающие неподалеку от центра, с горькой иронией называют наш город маленькой Венецией. В отличие от прославленного итальянского городка, который Гете назвал мечтой, сотканной из воды, воздуха и неба, наш город предстает, если перефразировать поэта, бедой, сотканной из воды, нужды и бессилия. Герб города был принят двадцать лет назад, когда все уже хорошо знали суровый нрав реки Ия — город пережил за четыре года (с 1980-го до 1984-го) три наводнения. С тех самых пор водно-речная тематика для обсуждения в городском транспорте стала практически повседневной и не менее злободневной, нежели неизменно популярные темы погоды, урожая или здоровья. На традиционный вопрос: «Как там река?» — в Тулуне всегда можно получить вполне конкретный ответ, например, «на прибыли» или «уровень падает». После первых наводнений жизнь в городе измеряется периодами до и после наводнения. Летом 2006 г. в Тулуне выпала тройная норма осадков. Два мощных наводнения продемонстрировали не только капризы природной стихии, но и то, что город находится в глубоком кризисе. «По Тулуну и впрямь словно Мамай прошел. Покосившиеся полуразрушенные дома, заваленные заборы, груды досок и до сих пор огромные лужи мутной воды — все это в самом центре города!».

Краеведы пишут о Тулуне с гордостью: «Тулун — город необыкновенной душевности, его улицы в тополиной метели, деревянные и каменные особняки, узорочье старинных зданий, дома, построенные по радостной купеческой прихоти, а главное — его старожилы, люди, сложившие этот город не только по камешку да по бревнышку, а по его душевной конструкции, по его внутренней нравственной сущности. Мне, как и другим тулунчанам, хочется верить: город на Ие стал давно уже живым существом, с чистым сердцем, с благородными помыслами, с широким сибирским характером, включившим в себя и строгую доброту, и бескорыстную щедрость, и не лукавую доверчивость, и не хвастливую силу, а спрятанную под внешним покоем взрывчатость и порывистость».

Действительно, наш город является плодом большой любви, творческой мысли, энергии, труда и воли нескольких поколений тулунчан. Но началось всё с завоевания. В район реки Ии, где исконно жили буряты-скотоводы, русские пришли примерно в 1652 г. из Нижнеудинского острога, чтобы наказать непокорных бурят, отказавшихся платить ясак. «В 1649 году буряты возмутились и перебили казаков «Покровского городка», посланных к ним для ясачного сбора. После этого «в великом числе» собралась она у реки Ия в улусе Тулам с намерением оказать русским сопротивление силою. В 1652 году красноярский воевода Андрей Бунаков снарядил против бурят поход под начальством Кирилла Бунакова. Поход закончился для русских весьма удачно»⁵.

Основателями Тулуновской деревни были крестьяне из илимских волостей, заимствовавшие прежнее бурятское название — Тулам. По другой, менее

популярной, версии, топоним Тулун, возможно, образован от якутского толоон — «долина». Чер-нозем, близость тайги, река, богатая рыбой, — все это привлекало русских. Крестьяне, поселившиеся здесь, серьезно расширили запашки, осваивая земельные угодья вокруг деревни, стали строить заимкиб и вели гоньбу по государственной дороге Красноярск - Иркутск.

С 30-х гг. XVIII в. по Сибири создается регулярное почтовое движение. Ямщи-ков нанимают, и они получают не только деньги, но и пашни, и сенокосы в бесплат-ное пользование — из феодальной повинности возникает промысел. Почту от Томска через Красноярск до Иркутска учреждал Витус Беринг. Средняя скорость движения между станами устанавливалась 7 верст в час. Жители каждого стана должны были содержать 4 лошади, предназначенные исключительно для перевозки почты. Деревня Тулуновская стала ямской станцией. Возвращаясь из Иркутска в 1745 г., Г.Ф. Миллер в своем путевом дневнике писал: «Тулун — погост. Имеется церковь Покрова Богоро-дицы. 20 дворов, в которых живут 15 ямщиков, имея 15 подвод».

В 1762 г. через Тулун проходит Московский тракт. Власти, заботясь об осво-ении и устройении путей, принудительно заселяли тракт от Красноярска до Тулуна. Для этого крестьян и разночинцев Красноярского и Енисейского уездов, освободив их от уплаты подушной подати и оброка, записывали в ямщики. Благодаря тракту село стало быстро застраиваться и разрастаться. Через реку Ию была паромная переправа. Паром работал круглосуточно — по тракту двигались обозы с товаром, шли солдаты, гнали арестантов, ехали почтовые и пассажирские кареты.

Указ Екатерины Второй от 19 октября 1764 г., разделивший Сибирское царс-тво на две губернии, определял: «конец губернии Тобольской и начало Иркутской в Тулуне, откуда пойдут к губернскому городу приятные и населенные места, украша-ющиеся березовыми рощами».

В энциклопедии Брокгауза и Эфрона сказано, что в «селе Тулун до 7 тысяч жителей, более 70 торговых заведений, с оборотом свыше трех миллионов рублей в год» и что «в экономическом отношении Тулун далеко опередил город Нижнеудинск и сделался видным торговым центром, из которого отправляются многие товары, минуя Иркутск, к Ангаре и к пристаням на реке Лене, для потребностей Якутско-го края. Этим же путем отправляются многочисленные партии рабочих на Ленские золотые промыслы...». Тулунские кулаки нередко заводили торгово-промышленные предприятия и даже выходили в купечество. Их привлекали освобождение от теле-сных наказаний, возможность быть причисленным к категории почетных граждан. В отдельных случаях купцы становились крупными капиталистами. В начале дека-бря 1897 г. тулунчане встречали первый поезд по Транссибу. Село Тулун становится железнодорожным пунктом и превращается в оживленный центр торговли. В село приезжали крестьяне не только из ближайших деревень, но и из отдаленных районов и разных волостей Иркутской губернии за промышленными товарами. Даже Амери-канская международная компания жатвенных машин открыла в Тулуне свой пункт продажи.

С Транссибом в Тулуне появился пролетариат. Остались строители станции Тулун: плотники, столяры, кузнецы и те, кто мог служить на железной дороге. В 1903 г. открываются Тулунские (Велистовские) угольные копи — первое промышленное предприятие старого Тулуна. В 1908 г. копи обслуживало 90 человек. В 1904 г. строит-ся водочный завод (Тулунский винный склад), где тоже был небольшой рабочий кол-лектив. Кроме того, работал лесопильный завод, были развиты кустарные промыслы: кузнечный, гончарный, гужевой, мыловаренный и другие.

С началом столыпинской реформы на станции Тулун открывается пересе-ленческий участок. Больничный комплекс этого участка обслуживает

население до сих пор. Отсюда, получив назначение, разъезжались переселенцы по тулунской земле, дав жизнь многим деревням и селам. Приток дешевой рабочей силы способствовал быстрому развитию не только сельского хозяйства, но и ремесленного, кус-тарного производства, торговли. Ямщик С.Ф.Виноградов (отец будущего академика Г.С.Виноградова) вспоминал: «Когда я зашел в первый раз на Большую улицу, смотрю и диву даюсь — Тулун называют селом, а кто его знает, может быть, это город? Что ни шаг, то магазин. Торговые компании: «Швец-Коганович-Ямпольского», «Кузнецова-Бузолина», «Щелкунова-Метелева» и другие. Здания в два этажа. Первые — деревянные, другие два — каменные. В больших окнах витрины с всевозможным товаром, фруктовая лавка». Семен Федорович не поверил, зашел. В натуре — свежий виноград, лимоны, яблоки. «Не выдержал, спросил:

— Торгуете только летом?

— Отчего же? — удивился хозяин. — В любое время года можете у нас купить свежие фрукты. Заходите, пожалуйста.

В магазине «Щелкунова-Метелева» люди расходятся по отделам: в гастрономический, бакалейный, кондитерский или в мясной. Потом меня волной покупателей занесло по железной крутой лестнице в галерею, которая опоясывала весь второй этаж. Тут что ни отдел, разные товары: пальто, платья, костюмы, мануфактура, ковры, мебель, обувь, золотые вещи...».

Тулун был выше по своему культурному уровню, чем другие волостные центры и села Нижнеудинского уезда. В Тулуне в начале XX в. работали мужское училище с пятью годами обучения, женское и железнодорожное училища. Купцы открывали свои частные школы или становились попечителями школ. Стараниями тулунских интеллектуалов устраивались воскресные школы для взрослых, проводились беседы по гигиене и санитарии. В 1913 г. при содействии Георгия Семеновича Виноградова (впоследствии академика — известного этнографа и фольклориста) в Тулуне было открыто отделение Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. В состав Общества, существовавшего на членские взносы и пожертвования, входило 270 человек. Были созданы богатая библиотека и музей, имевший тогда отделы: сельскохозяйственный, этнографии, истории, геологии, палеонтологии, минералогии, флоры и фауны. Появились маленькие отели, напоминающие сегодняшние частные мини-гостиницы Анапы.

Вся общественная жизнь велась в здании купеческого собрания (ныне Дом детского творчества). Строили это здание тулунские купцы как место деловых встреч и увеселения. Жизнь здесь шла бойко: проводились купеческие собрания, устраивались пышные купеческие свадьбы, ставились спектакли и концерты.

По уездной переписи в 1745 г. население Тулуновского погоста состояло: крестьяне государственные — 265, разночинцы — 11, ссыльные — 21, итого — 297 человек.

Всякий раз, когда бываю в больших городах, быстро начинаю уставать от их невозможной суеты и бешеного темпа жизни, и неизменно возникает жгучее желание вернуться в Тулун, где провинциальная жизнь способствует спокойствию и размеренности. Древним веет от звучных названий, которыми полна земля тулунская и к обыденности которых нельзя привыкнуть, сколько бы ни сталкивался с ними в названиях холмов и речушек, урочищ и полей, березовых и сосновых рощ. Все это вместе образует неповторимый ландшафт, создающий в городе особую ауру, — и может быть, этим объясняется тот факт, что многие бывшие тулунчане рано или поздно сюда возвращаются. Многие не могут объяснить, почему возвращаются, — просто их сюда тянет. Не исключено, что первопроходцы, закладывая первые камни в основание нашего города, в какой-то мере ощущали непостижимое притяжение этих мест.

Города, в которых мы живем, могут быть большими и малыми, но бывают любимыми и нелюбимыми. Людьми, конечно же. В любимом городе — люди, в нелюбимом — жильцы. В любимом городе я легко спрошу в кафешке соседа по столу: «Ну, как вам тут живется?» — и даже опрокину с ним по сто... В нелюбимом — не с кем и не о чем разговаривать. В любимом городе легко фотографировать: сюжеты сами напрашиваются в объектив. В нелюбимом городе фотографирование превращается в крайне утомительное занятие.

Каков сегодняшний Тулун, определенно сразу и не скажешь, поскольку найти в городе для снимка место и необходимый ракурс, запечатлеть взгляд, который потом на фотографии заговорил бы со зрителем, увы, непросто — его надо именно искать, разглядывать, выявлять, распознавать. Город мой как бы спрятался за мутным и зацарапанным плексигласовым окном, которое надо чистить и чистить — от окурков и фантиков, жестяных банок и пластиковых бутылок, от уличного хаоса, от самовлюбленности и самодостаточности местных чиновников, от неумной жадности жить сегодняшним днем, от неоправданных решений и неловких оправданий, от пустых слов и обещаний...

Тулун сегодня — город, районный центр, занимающий площадь более 13 тысяч гектаров, с населением около 49 тысяч человек. Внешний облик и уклад жизни Тулуна характерны для любого малого города Иркутской области. По своему территориальному устройству Тулун аналогичен городам и поселкам, расположившимся вдоль Восточно-Сибирской магистрали, таким как Нижнеудинск, Куйтун, Зима, Черемхово.

Визуальный образ города сформировался под влиянием его исключительной раздробленности, что, безусловно, сказывается как на экономическом развитии Тулуна, так и на его повседневной жизни. Городское пространство похоже на лоскутное одеяло — микрогеография сложилась в результате объединения трех центров развития: исторической части города, железнодорожной станции Тулун и станции Нюра. Развитие Тулуна выглядит как движение навстречу двух близлежащих железнодорожных станций. Железнодорожная станция Тулун расположена на левом берегу реки Ии и поистине является фасадом города, однако, тяготея географически и экономически к его центральной части, она все еще остается его западной окраиной. Сегодня многие начинают забывать о том, что до открытия моста через железную дорогу всем желающим добраться до остановки «Вокзал» или вернуться в город приходилось иногда подолгу простаивать на железнодорожном переезде. Восточная окраина расположена на правом берегу Ии и сформировалась в результате агломерации поселков Шахта и ЛДК с некогда относительно обособленной станцией Нюра, которая по сей день выступает в качестве своеобразных «восточных ворот города». Именно здесь мне впервые довелось услышать поговорку «Нюра, надень Шубу, скоро Зима», в которой последовательно названы станции на восток от Тулуна.

Тулун стал городом в 1927 г., с началом советской индустриализации, и вся ее история развернулась в структуре городского пространства.

Тулун один из немногих старых сибирских городов, если не сказать единственный из малых городов западной зоны Приангарья, сумевший воплотить в себе столь огромное разнообразие промышленных объектов, имеющих районное, областное и даже государственное значение. Выгодное географическое положение и богатая минерально-сырьевая база в полной мере способствовали интенсивному развитию таких отраслей, как угольная, стекольная, строительная, микробиологическая и лесоперерабатывающая. Относительно обособленные и гомогенные микрорайоны города, которые принято называть поселками, получили названия, соответствующие отраслям промышленности, приходившим некогда в город: Шахта, Угольщикова, Стекольный, Гидролизный, ЛДК, Строителей,

Железнодорожный. До сих пор самым обустроенным и благоуханным районом города является микрорайон Угольщиков, где долгое время проживали тулунские горняки — «сливки тулунского сообщества», которые впоследствии освоили новые территории проживания: Сосновый Бор и Алгатуй. Сложившаяся сегодня инфраструктура Тулуна свидетельствует, что ее формирование проходило крайне бессистемно и хаотично. Прочие спальные районы города с более или менее типичными названиями возникли практически одновременно с поселками или несколько позднее.

Заметными маркерами попыток упорядочить городское пространство являются главные улицы города, которые в Тулуне только с иронией можно назвать главными и с большой натяжкой — прямолинейными. Признаками того, что улица Ленина — центральная, служат памятник Ленину, административные и торговые здания, многие из которых являются памятниками деревянного зодчества — уже ветхими, — да еще уличное освещение в ночное время.

Индустриальные объекты продолжают оставаться своеобразным брендом города, предметом особой гордости в сознании большинства тулунчан. Если кто-либо из приезжих попросит поведать о городе, то среднестатистический горожанин лет сорока или старше, как правило, начнет рассказ с того, какие значительные предприятия работали в Тулуне прежде или продолжают работать в настоящее время.

Алгатуй — поселок работников Мугунского разреза, современный, комфортабельный, перспективный. Алгатуй административно не входит в состав города, т. к. отнесен к Тулунскому району.

До начала девяностых в городе работало более 40 промышленных предприятий и строительных организаций. Производственный потенциал, созданный в советское время, основывался преимущественно на угольных разрезах, поэтому нижняя часть городского герба черного цвета — это каменный уголь. Отработка угля осуществлялась до середины 50-х подземным способом — на Нюринском участке между Восточно-Сибирской магистралью и Московским трактом. Тулунская шахта снабжала топливом Иркутскую, Томскую и Новосибирскую области. Труд был в основном ручной. В 1955 г., когда случился пожар в шахте, многим стало ясно, что от подземного способа добычи надо отказаться. С загоревшимся углем ничего не могли поделать целый год, хотя был поставлен локомотив, который подавал воду, чтобы заливать огонь. В итоге пришлось просто засыпать шахту, и уголь перестал гореть сам собой. В 1957 г. разработку угля начали вести открытым способом, и предприятие стало именоваться Тулунским угольным разрезом. Впрочем, один из районов города до сегодняшнего дня называется Шахта.

С 1955 г. началась подготовка к открытию флагмана отрасли — Азейского угольного разреза: строили станцию, прокладывали дороги, разбирали траншеи, монтировали оборудование. С момента открытия (1969 г.) разрез стал полигоном, где отрабатывались новые технологии вскрыши и добычи угля, испытывалась передовая техника, готовились кадры. Открытый способ добычи угля и богатые угольные месторождения способствовали быстрому расцвету этой отрасли в нашем городе и соответственно быстрому росту благосостояния работников угольной промышленности. Дефицитные отечественные и импортные товары: одежда, обувь, японские телевизоры и видеомэгафоны, советские автомобили новых марок и зарубежные автомобили — появлялись прежде всего у наших горняков, что способствовало необыкновенной популярности профессии в городе. Когда в перестроечный период в городе открылись курсы экскаваторщиков, то записаться на них было так же трудно и престижно, как поступить в высшее учебное заведение. Молодые тулунчане быстро сориентировались и поменяли профессию. Мой давний

знакомый, работавший в то время на угольном разрезе, за какие-то два-три года сменил мотоцикл «Иж», на «девятку», а вскоре и на иномарку. При встрече, демонстрируя свое благосостояние, он агитировал меня пойти учиться на курсы экскаваторщиков, подкрепляя свои слова следующими доводами: «Шахтеры научились добиваться своего, стуча касками об асфальт. А поскольку уголь будет нужен всегда, то мы любое правительство поставим на колени. Труд же рядового учителя всегда будет оцениваться государством неадекватно».

Добыча угля изменила облик самого города и природный ландшафт. Только полотно Московского тракта три раза переносили, огромное количество леса было уничтожено, южная часть города — в отвалах и напоминает фото лунной поверхности, в северной — та же картина. Пострадали и сельскохозяйственные угодья, ведь район-то преимущественно сельский. И никто не представлял, что закрытие угольных шахт и разрезов станет реальностью. Экономический кризис привел к тому, что были лик-видированы не только убыточные, но и рентабельные производства, что противоречи-ло здравому смыслу и всякой хозяйственной логике. Как отмечал один из тулунских производственников, «торможению депрессивных тенденций в угольной промышлен-ности города ничего не помогло — ни мощное лоббирование депутатов Законодатель-ного собрания, ни забастовочные действия работников, ни многочисленные комиссии СУЭК» (В.П., бывший хозяйственный руководитель).

В девяностые годы поочередно закрылись главные градообразующие предпри-ятия Тулуна.

Беды стекольного производства в городе начались еще на заре перестройки Тулунский стекольный завод — единственное в Сибири предприятие стекольной промышленности — по ассортименту выпускаемой продукции в Советском Союзе занимал второе место. Но с началом антиалкогольной кампании главный продукт - стеклянная бутылка — в один момент стал ненужным, и администрация завода вынуждена была менять технологическую линию на выпуск стеклянной банки, что, в конечном счете, не спасло предприятия. Попытки возродить производство в течение нескольких лет оказались неудачными. История банкротства завода носит просто де-тективный характер. В городе ходили упорные слухи, что на заводе побывали бизнес-мены из Чехии и Китая и как будто бы им заинтересовалась пивоваренная компания «Балтика». Все это впоследствии не нашло официального подтверждения. Случилось другое — в результате смены собственников от завода остались одни стены, которые хваткие предприниматели начинают потихоньку разбирать, и года через два на терри-тории бывшего стекольного завода, скорее всего, будет пустырь. Экономический крах завода чуть было не закончился катастрофой и для всего поселка Стекольного — все его теплоснабжение обеспечивалось заводской котельной. Пришлось переложить эту функцию на котельную банно-прачечного комбината.

За годы экономических реформ бесследно исчез некогда мощный строительный трест Востокпромстрой, под эгидой которого работали несколько строительно-мон-тажных управлений и передвижных механизированных колонн. Не действует некогда считавшийся благополучным плодкомбинат, развалился Тулунский маслодельный завод. Одним из значимых событий разрушения Тулуна индустриального стало за-крытие Тулунского угольного разреза: «Вы знаете, что после известия о закрытии разреза, на следующий день, многие рабочие пришли на работу, словно бы ничего не случилось, полагая, что это просто чья-то злая шутка. Вы не представляете, как страшно было смотреть на то, как у дверей конторы разреза, опустив головы, в немом отчаянии стояли здоровые и крепкие мужики... Они надеялись, что для них-то най-дется дело и им не придется досрочно возвращаться домой, к вопрошающим глазам домочадцев...» (Л.С, бывший директор

ПУ № 4). Впрочем, развитие угольной промышленности на тулунской земле продолжается, однако успехи этой отрасли ныне больше связываются с развитием Тулунского района. В начале 1960-х органы власти города и района были разделены вслед за образованием сельского райкома и горкома КПСС. Административное разделение аграрного района и промышленного города сохранилось до сих пор. Поскольку налоги платятся по месту расположения предприятий, и Мугунский разрез — перспективный и быстроразвивающийся — сегодня формирует существенную часть бюджета района, но не города, где живут работники предприятия.

Объединение Тулунлес — около десятка лесозаготовительных предприятий и лесодеревообрабатывающий комбинат — закрылось «из-за истощения лесосырьевой базы», однако по причине растущей безработицы началась незаконная или легализованная, но бесконтрольная вырубка деловой древесины, быстро принявшая характер эпидемии. Груженные лесом вагоны тысячами пошли за рубеж, и как следствие варварских действий непрофессионалов, — захламленность лесного массива, пожары, исчезновение ягодных и грибных мест... «Леса вокруг Тулуна, а также берега реки Ни забиты отходами древесины — от стволов взята только комлевая часть, а остальное брошено за ненадобностью» (В.В., старожил города). Утратив естественную защиту из вековых лиственниц и сосен, в город пришли ветра, которые в последнее время все чаще пытаются сорвать с крыш шифер или сломать посаженные дачниками деревья...

Отношение к городу стремительно меняется. Вот что о ситуации в городе и о личном отношении к нему пишет коренная тулунчанка Елена Федорова: «...Ветер гуляет по ночным улицам, вытряхивая мусор из контейнеров, завывает в печных трубах, давя на психику, навевая тоску и безысходность даже на самые стойкие и оптимистичные души... Сценарий фантастического фильма? Нет, Тулун. Родной город, в котором, вполне вероятно, может и не остаться места для грядущих поколений...

Разве об этом мечтали мы, юные и влюбленные в жизнь, провожая закаты и встречая рассветы? Разве хотели такого будущего для своих детей? И что делать теперь? Собираться и кочевать, оставив за спиной несбывшиеся надежды и унося в своем сердце неизбежную печаль?

А может, все обойдется, ведь надеяться — это не грех. Но как бы крепка ни была эта надежда, у кого-то почти даже уверенность, все-таки думаю, каждый тулунчанин ощущает за спиной тяжесть котомки и видит, как утопают в дорожной пыли его сапоги. И задается вопросом: а что же дальше?»

Энергия и инициатива людей в малых городах и совсем маленьких поселениях поколениями передавалась от основателей, которые однажды пришли в Сибирь, поставили на конкретном месте свои дом, посадили дерево, возделали поле, открыли ремесленную мастерскую, проложили дорогу. Многие их потомки теперь вернулись назад, занимаются бизнесом, например сдавая квартиры посуточно Москва. Все это было положено в основу их фамилии, откуда пошли и характер, и нрав, и профессиональное, переходящее из поколения в поколение занятие, вера и линия поведения, быт и уклад семьи. В малых городах таких фамилий, или станковых родов, свойственных поселению, всегда имелось несколько. Они определяли и определяют по сей день то, что называют энергией малых городов. В Тулуне, вобравшем в себя историю индустриализации и вместе с ней не одну волну переселенцев, влияние конкретных фамилий мало заметно, оно как бы растворено, но Тулун зачастую называют большой деревней, и это поистине так. Возможно, именно близость к природе и крепкие деревенские корни позволяют тулунчанам жить и выживать в сегодняшней сложной экономической жизни.

Но что же дальше? В августе 2006 г. администрация Тулуна информировала население о том, что город имеет долг 20 миллионов рублей за поставку угля в прошлый отопительный период и нет средств для приобретения топлива на предстоящий. Восьмого февраля 2007 г. мэр на встрече с тулунскими педагогами заметил, что запасов угля в городе только на сутки и если внезапно понизится температура, то это может закончиться катастрофически. А подводя итоги года прошедшего, подчеркнул разницу между размерами ущерба от наводнений (около 60 млн рублей) и выделенными для ликвидации ущерба средствами (5 млн рублей).

Тулунские сложности достигли такого размера, что в мае 2006 г. впервые в истории Законодательного собрания Иркутской области весь областной парламент и региональные чиновники провели в Тулуне выездное заседание. Буквально накануне по городу пронеслась весть о том, что последнее градообразующее предприятие Тулуна — гидролизный завод — на грани остановки. Гидролизный завод (дата образования — 1949 г.) до недавнего времени был одним из самых стабильно работавших предприятий микробиологической промышленности России. Еще недавно директор завода В.А. Хаматаев о состоянии гидролизной отрасли в городе говорил следующее: трех гидролизных в Иркутской области наш, как Одиссеев корабль, более или менее успешно минует многочисленные Сциллы и Харибды в бурном море постсоветской экономики, обходя опасные рифы и мели». Но после вступления с 1 января 2006 г. в силу ряда федеральных законов и внесения изменений в часть вторую Налогового кодекса РФ данное предприятие лишается права реализовывать произведенную продукцию. Тем самым была поставлена жирная точка в судьбе последнего градообразующего объекта города. Тулунские гидролизники возлагали большие надежды на областных парламентариев, ожидая решения насущных проблем завода, а следовательно, всего города, но увы... Тулунский гидролизный завод сейчас закрыт.

Тулун сегодня называют самой проблемной территорией региона, и это вполне справедливо, поскольку сорок восемь процентов населения живут за чертой бедности. «Неоткуда взяться оптимизму, поскольку сегодня многие нашли спасение в тайге, заготавливают лес для предпринимателей-частников. Только ведь и тайга скудеет. Еще год-полтора, а дальше-то что?.. Чем займутся люди, когда выйдут из леса?» (Николай, токарь-универсал, бывший работник завода).

Один из индикаторов социального неблагополучия — первое место в области по заболеваемости туберкулезом. Другой показатель — в городе в настоящее время насчитывается уже более десяти служб такси, тогда как рынок оказываемых ими давно перенасыщен. Это свидетельствует о критическом уровне безработицы и дальнейшем обострении социально-экономической ситуации. «Чем беднее становится город, тем больше в городе такси, тем ожесточеннее конкуренция и спектр услуг, оказываемых этими службами» (В.М., водитель службы «Льготное такси»).

Тулун стремительно меняет свое лицо: из города угольщиков, стекольщиков и гидролизников он превращается в город таксистов, бюджетников и вахтовиков. Одни уже давно отправились на заработки в дальние края, другие, под давлением домашних, только начинают прокладывать себе эту нелегкую дорогу. «Мужик должен быть добытчиком и содержать семью, и мне все равно, где он будет работать, пусть хоть на Северный полюс едет, — высказалась о безработном муже одна из женщин, — хватит ему холодильника охранять».

Местные власти и депутаты разных уровней все чаще говорят о переподготовке освободившихся в городе кадров и развитии вахтового метода трудоустройства.

Надежда на позитивные перемены все же продолжает жить. «В первые годы всеобщего обвела многие находились в состоянии, близком к оцепенению, все еще надеясь на возврат прошлого. Но проходил год, за ним второй, третий, и более

активные начали быстрее двигать ногами, лихорадочнее шевелить мозгами, стремясь отыскать собственную нишу, дело, которое могло обеспечить пусть относительное благополучие и самому, и семье, и городу» (В.Н. Пивень, директор угольного разреза, ныне мэр города).

Предпринимаются попытки по созданию новых рабочих мест. В качестве примера можно назвать деревообрабатывающее производство на территории бывшего ЛДК, где уже установлено и действует новое оборудование, хотя в масштабах города данное производство пока не играет значительной роли.

Депутат Законодательного собрания Геннадий Нестерович предлагал перевести гидролизный завод на выпуск пищевого спирта из зерна, что было бы естественно в аграрном районе. Говоря о перспективах тулунской промышленности, депутат замечает, что нас как-то испортило обилие природных ресурсов. Речь больше ведем о нефти, газе, угле, золоте, не принимая во внимание таких пустяков, как огнеупорные глины, гипс, известь, щебень... А это ведь исходное сырье для производства стройматериалов. «В программе социально-экономического развития области, которую недавно представили депутатам, намечено донести строительство жилья к 2010 г. до 1 млн кв. М., но ни слова нет о том, где возьмем для этого материалы. Они лежат под ногами, а мы ленимся наклониться»¹⁹.

Действительно, как можно говорить об инвестиционной привлекательности территории, не зная толком, чем мы владеем? Возможно, что депутат нрав и в том. пи «опасные иждивенческие настроения тулунчан» и «комплекс провинциальной неполноценности» мешают развернуться в городе новым передовым, перспективным производствам. Пословица «Сибирские города строились не языком, а купеческим рублем» за годы бесхозяйственности хорошо забыта.

После долгих лет затишья в городе возобновляется активная творческая и интеллектуальная жизнь, возрастает роль местных СМИ и телевидения, создана экспериментальная студия журналистов.

Тулунчане сегодня все чаще проговаривают дилемму, которая разрешится в ближайшие годы: сохранится ли Тулун как город?